

**«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО УКАЗАЛ...
О ТОМ ДЕЛА... ИЗСЛЕДОВАТЬ ОСОБО
У ПРОКУРОРСКИХ ДЕЛ»: Е. И. ПАШКОВ**

1724 года января 24 дня на Троицкой площади столичного города Санкт-Петербурга на особо возведенном эшафоте, позади которого возвышались четыре заостренных шеста с колесами для втыкания голов и размещения тел казненных, началась публичная «эксекуция». Уже давно,

со времен казней после «розыска» о царевиче Алексее Петровиче, петербургский люд не видывал столь многого числа приговоренных, приведенных гвардейскими солдатами к эшафоту.

Первым из группы осужденных вывели немолодого, заросшего поседелой бородой человека. Секретарь стал зачитывать приговор: «Понеже ты явился в преступлении его императорского величества указов... в краже казны и во упущении интереса изо взятков, а имянно... похитил себе денег...»

Оборотившись в сторону церкви в Петропавловской цитадели, приговоренный несколько раз перекрестился. Затем снял верхнюю одежду и, опустившись на колени, положил голову на плаху. Палач взялся за топор...

Столь суровую кару понес бывший провинциал-фискал Савва Федорович Попцов, которого Вышний суд Российской империи изобличил в совершении многообразных преступлений против интересов службы⁶²⁶. Всего в тот день топор, кнут и клещи для вырывания ноздрей ожидали 12 осужденных.

Так завершилось «дело фискалов» — один из наиболее резонансных уголовных процессов времен единодержавия царя и императора Петра Великого. Основную часть следствия по означенному делу провел гвардии капитан Егор Иванович Пашков.

Егор Пашков принадлежал к провинциальной дворянской фамилии, родоначальником которой считался шляхтич Григорий Пашкевич, выехавший из Речи Посполитой в Россию в XVI веке. Генеалогию Е. И. Пашкова изрядно затуманило то обстоятельство, что его дед Еремей Афанасьевич имел шестерых сыновей, двое из которых звались Иванами⁶²⁷. Так что установить, к какой именно ветви рода принадлежал Егор Пашков, в настоящее время крайне затруднительно.

В XVII веке Пашковы занимали вполне прочные позиции в средней прослойке российского дворянства. Привилегированные «московские» чины — от стряпчего до стольника — сумели тогда выслужить 17 представителей рода⁶²⁸.

Упомянутый дед Егора Ивановича, стольник Еремей Пашков, имел неординарный административный опыт. На протяжении 1650—1680-х годов Е. А. Пашкову довелось занимать воеводские должности на всем бескрайнем про-

странстве Московского царства: от Нерчинска* (!) до Тамбова и Киева⁶²⁹.

В молодости, пребывая при отце Афанасии Филипповиче на воеводствах в забайкальских острогах, Еремей Пашков немало соприкасался с находившимся в ссылке в тамошних местах знаменитым протопопом Аввакумом. В своем «Житии», одном из наиболее выдающихся произведений русской словесности за последние 400 лет, Аввакум воистину обессмертил имя Еремея Афанасьевича. Как между иного вспоминал опальный протопоп (закончивший свои дни на костре) о Е. А. Пашкове, «се друг мне тайной был и страдал за меня. <...> Гораздо Еремей разумен и добр человек»⁶³⁰.

Описал протопоп и конфликт, разыгравшийся между вступившимся за него Еремеем Пашковым и отцом-воеводой. Согласно повествованию Аввакума, в забайкальской тайге разыгралась подлинно эпическая сцена: «Еремей стал говорить: “Батюшко, за грех наказует бог! Напрасно ты протопопа тово [Аввакума] кнутом избил; пора покаяться, государь!” Он же [А. Ф. Пашков] рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклоняясь, прижав руки, стал... Пашков же, ухватя... колешчатую пищаль — никогда не лжет** — приложася на сына, курок спустил. И божиею волею осеклася пищаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклась пищаль. Он же и в третьи так же сотворил. Пищаль и в третьи осеклася же...»⁶³¹

Согласно прямому указанию надгробной надписи, Егор Пашков появился на свет в 1684 году⁶³². Каких-либо сведений о первых двадцати годах жизни будущего следователя выявить к настоящему времени не удалось. С уверенностью возможно лишь утверждать, что в отличие от старших родственников Е. И. Пашков не успел получить никакого «московского» чина⁶³³, а сразу начал военную карьеру.

Как явствует из архивного документа, в 1704 году Егор Иванович был зачислен рядовым в гвардии Преображенский полк⁶³⁴. Принято считать, что солдатские годы он провел в денщиках Петра I. Возможно, именно по этой причине сведений о прохождении Егором Пашковым военной службы сохранилось немного.

* Ныне административный центр одноименного района Забайкальского края.

** Не даст осечек.

Достоверно известно, что в 1708 году дослужившийся к тому времени до капрала Е. И. Пашков был произведен в младшие офицеры⁶³⁵, став адъютантом. Сохранились также документальные свидетельства, что «отъютант» Егор Пашков выполнял при царе функции офицера связи.

Так, в июле 1711 года, сразу после выхода российской армии из окружения на реке Прут, едва не обернувшегося ее катастрофическим поражением, Е. И. Пашков совершил многоверстную поездку по вражеской территории. Прибыв к находившемуся в расположении турецких войск чрезвычайному послу барону П. П. Шафирову, адъютант вручил ему в целости и сохранности крайне важное зашифрованное письмо Петра I.

В свою очередь, от посла Егор Иванович получил секретную дипломатическую корреспонденцию, которую сумел оперативно доставить царю⁶³⁶. Если принять во внимание, что государева курьера сопровождала лишь небольшая охрана, а передвигаться приходилось большей частью по безлюдной местности, по которой рыскали почти не подконтрольные командованию отряды янычар и крымских татар, то необходимо признать, что Егор Иванович подвергался тогда риску сложить голову, ничуть не меньшему, чем на передовой.

Обстоятельства службы Е. И. Пашкова в следующее пятилетие прояснить к настоящему времени также не удалось. Неизвестно даже, когда он получил чины поручика и капитан-поручика. По крайней мере, не вызывает сомнений, что строевых должностей Егор Иванович не занимал, числясь «сверх комплекта» в 7-й роте Преображенского полка⁶³⁷.

Загадкой осталось также, сопровождал ли Е. И. Пашков царя в зарубежной поездке 1716—1717 годов и чем он занимался в ноябре 1717 года. Из письма гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова Егору Ивановичу от 4 ноября 1717 года можно уяснить, что в тот момент адресат находился вне столицы⁶³⁸. Соответственно, осталось непроясненным, входил ли капитан-поручик Егор Пашков в состав кригсрехта, осудившего на смертную казнь главу первой следственной канцелярии России гвардии майора Михаила Волконского.

Зато удалось установить, что при выработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I включил гвардии капитан-поручика Е. И. Пашкова в руководящий

состав канцелярии во главе с майором И. И. Дмитриевым-Мамоновым. Изначально эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел по обвинениям ряда высших должностных лиц, в частности сенатора князя Я. Ф. Долгорукова и губернатора князя М. П. Гагарина⁶³⁹.

Объем и конкретные направления следственной деятельности Е. И. Пашкова в канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова установить не представилось возможным, поскольку, как уже не раз отмечалось, почти весь архив «майорских» канцелярий сгорел при пожаре Кремля 29 мая 1737 года. Из фрагментарно сохранившихся документов явствует, что в канцелярии Егор Иванович не выполнял единоличных следственных действий, а работал в составе коллегиального присутствия.

Например, подпись Егора Пашкова стоит на постановлениях канцелярии, которыми оформлялись относящиеся к ее ведению устные указания Петра I: от 3 июля 1718 года — о командировании в Сибирь асессора А. Г. Шамордина, от 11 марта 1721-го — о попытке бывшего сибирского губернатора М. П. Гагарина⁶⁴⁰.

Подписал Егор Иванович и постановление следственной канцелярии от 9 декабря 1723 года о повешении трупа бывшего томского коменданта Р. А. Траханиотова⁶⁴¹. Кроме того, известно, что он не направлялся ни в какие дальние командировки по делам канцелярии.

Что бы там ни было, Петр I положительно оценил работу Егора Пашкова в качестве следователя. 1 января 1719 года Егор Иванович был произведен в капитаны⁶⁴².

Щедрой оказалась государева награда Е. И. Пашкову за участие в следствии по делу Матвея Гагарина. Из конфискованного имущества повешенного князя Е. И. Пашков получил в Шацком уезде «село Благовещенское с деревнями», состоявшее из 121 двора и населенное 654 (!) крестьянскими «душами» только мужского пола⁶⁴³.

Три с небольшим года спустя император доверил гвардии капитану Е. И. Пашкову высокий государственный пост: 7 февраля 1722 года он был назначен первым прокурором Военной коллегии⁶⁴⁴ — ведомства, управлявшего сухопутными войсками империи.

Учрежденная в январе 1722 года прокуратура тогда представляла собой исключительно орган надзора, не наделенный никакими уголовно-процессуальными полномочиями⁶⁴⁵. Тем самым основной задачей Егора Пашкова

являлось установление соответствия актов, издававшихся Военной коллегией, нормам действовавшего законодательства. Сложность этой задачи заключалась не только в том, что Егор Иванович отнюдь не был знатоком практического законовещения, но и в том, что де-юре под надзором гвардии капитана оказался не кто иной, как президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал, «полудержавный властелин» А. Д. Меншиков.

Поэтому не приходится удивляться, что на протяжении 1722—1725 годов Е. И. Пашков — в отличие от прокуроров почти всех остальных коллегий — не внес в Правительствующий сенат ни единого (!) протеста на какие-либо нормативные или распорядительные акты Военной коллегии. Подобную позицию Егора Ивановича понять, впрочем, несложно: решиться конфликтовать с всеильным в ту пору Александром Даниловичем мог разве что душевнобольной или крайне наивный человек, излишне обнадеженный туманной перспективой «государевой милости»*. Егор Иванович определенно не являлся ни тем ни другим.

Однако, оказавшись весьма пассивным представителем прокурорского надзора, Егор Пашков проявил себя в эти годы как бесспорно выдающийся следователь. Вернуться к следственной деятельности Егору Ивановичу довелось в связи с «делом фискалов».

Возбуждение дела произошло после того, как в руки Петра I попало обращение жителя Ярославля И. И. Сутягина, содержавшее многочисленные обвинения против ярославского провинциал-фискала С. Ф. Попцова. 20 марта 1722 года секретарь императора Алексей Макаров направил генерал-прокурору Сената П. И. Ягужинскому письмо, в котором передал высочайшее указание, чтобы обвинения,

* Каковым оказался, например, глава одной из канцелярий «переписи душ», заслуженный ветеран Великой Северной войны полковник А. А. Мякинин, решившийся в 1724 году изобличить А. Д. Меншикова в утайке 2715 (!) крестьянских «душ». Общая сумма штрафов, наложенных в связи с этим на светлейшего князя, составила внушительную сумму в 34,5 тысячи рублей. В ответ разгневанный Александр Данилович добился предания ставшего к тому времени уже генерал-фискалом Алексея Мякинина военному суду по обвинению — несложно догадаться — в фальсификации материалов следствия. Несмотря на очевидную бездоказательность обвинения, в июне 1727 года суд приговорил Алексея Антоновича к расстрелу (!), замененному 19 декабря (уже после падения Александра Даниловича) ссылкой в Сибирь, в которой он пробыл свыше пяти лет.

выдвинутые против провинциал-фискала, «изследовали в Сенате или особливо в вашей канторе»⁶⁴⁶.

Не имея никакого опыта ни судебной, ни следственной деятельности, Павел Ягужинский принял вполне резонное решение поручить расследование кому-либо из нижестоящих прокуроров, более сведущих в уголовном судопроизводстве. 22 июня 1722 года генерал-прокурор распорядился передать следствие по делу С. Ф. Попцова прокурору Военной коллегии Егору Пашкову. Первые строки распоряжения, адресованного «благородному господину прокурору», гласили: «Его императорское величество указал по челобитью ярославца посацкого человека Ивана Сутягина... взяв о том дела из Ярославского надворного суда, изследовать особо у прокурорских дел...»⁶⁴⁷

При этом не исключено, что ключевая фраза распоряжения — «изволте те дела взять к себе и по них следовать» — означала попытку Павла Ивановича вообще передать дело Саввы Попцова из генерал-прокуратуры в прокуратуру Военной коллегии. Впрочем, такая попытка (если она действительно имела место) не встретила понимания у главы государства.

В итоге организация следствия над Саввой Попцовым оказалась перестроена, но не совсем так, как, вероятно, замыслил П. И. Ягужинский. С июля 1722 года в правительственном делопроизводстве замелькало наименование «Канцелярия генерала-лейтенанта и генерала-прокурора Павла Ивановича Ягушинского да лейб-гвардии капитана Егора Ивановича Пашкова».

Другими словами, в генерал-прокуратуре империи образовалось новое структурное подразделение, особая следственная канцелярия под руководством генерал-прокурора. В свою очередь, Егора Пашкова можно признать первым следователем прокуратуры России, прямым предшественником тех следователей, которые трудились в следственных подразделениях прокуратуры в 1928—2007 годах.

С появлением Е. И. Пашкова расследование активизировалось. К началу августа 1722 года выявилось 28 эпизодов обвинений против С. Ф. Попцова — от укрывательства им беглых солдат до умышленного убийства. 21 августа, рассмотрев обобщающую выписку по материалам дела, следственная канцелярия вынесла постановление подвергнуть Савву Попцова пытке⁶⁴⁸.

25 августа Павел Ягужинский и Егор Пашков допросили провинциал-фискала в застенке. Однако подследствен-

ный, выдержав подъем на дыбу и 17 ударов кнутом, продолжил отрицать свою вину по всем пунктам обвинения⁶⁴⁹. Следующая пытка была назначена на 30 августа. И вот тогда Егору Пашкову удалось добиться перелома в психологическом настрое С. Ф. Попцова.

Согласно протокольной записи, сохранившейся в материалах уголовного дела, «августа 30-го дня Сава Попцов вожен в застенки вторично, при чем лейб-гвардии капитану Егору Ивановичю Пашкову он, Попцов, сказал, что де по делам его, что на него показано, и сверх того, что он какое преступление указом... чинил, и кем что знает, приносит он пред его императорским величеством повинную»⁶⁵⁰. Иными словами, Савва Федорович выразил готовность дать признательные показания.

Окончательный перелом в настроениях С. Ф. Попцова произошел 31 августа. В тот день Савва Федорович разразился огромной — в 70 пунктов — повинной. Убежденный Егором Пашковым в необходимости, выражаясь современным профессиональным языком, деятельного раскаяния, Савва Попцов в самом деле принялся рассказывать все, что знал. А знал он очень и очень многое.

Со страниц повинной Саввы Федоровича перед руководителями следственной канцелярии открылась уникальная в своей полноте картина криминальных деяний местных администраторов. Впрочем, вступивший на путь сотрудничества со следствием провинциал-фискал осветил злоупотребления не только региональных чиновников. В повинной от 31 августа (существенно пополненной затем 18 сентября, 12 и 18 октября) речь пошла и о куда более значительных «персонах».

Особенно подробно С. Ф. Попцов остановился на разоблачении высокопоставленного должностного лица, в расчете на действенное покровительство которого он так стойко выдержал кнут и подъем на дыбу. Психологически капитулировавший перед следствием Савва Попцов дал показания о взяточничестве главы фискальской службы России обер-фискала Алексея Яковлевича Нестерова⁶⁵¹.

Из откровений Саввы Попцова явствует, что взятки Алексей Яковлевич брал с размахом: деньгами, предметами домашнего обихода, продуктами питания, фуражом. Например, за содействие в определение самого Саввы Федоровича в фискалы А. Я. Нестеров получил с него 500 четвертей ржи. В другой раз, будучи у С. Ф. Попцова в гостях, Алексей Яковлевич прихватил с собой приглянувшееся ему

стенное зеркало (в свою очередь, «позаимствованное» самим Саввой Федоровичем у Ивана Сутягина).

А вот с фискалов Г. Я. Терского, Г. Зиминского, Ф. Угрюмова и С. Я. Турчанинова Алексей Нестеров «брал... взятки денгами, лошедми и рыбою, белугами и протчими...». Справедливости ради надо отметить, что в поборах Алексея Нестерова проявились и его духовные запросы. Помимо иного обер-фискал «вытянул» из С. Ф. Попцова печатное Евангелие XVII века, а также книгу, «в которой изображены всякие звери и рыбы... с подписью латинскою»⁶⁵².

Уже в самый день подачи С. Ф. Попцовым повинной генерал-прокурор информировал о приведенных в ней эпизодах, касавшихся А. Я. Нестерова, Правительствующий сенат, тут же запросив санкцию на арест обер-фискала. Такая санкция была получена.

В первых числах сентября обер-фискала взяли под стражу. Алексей Нестеров с ходу потребовал отвода прокурора Е. И. Пашкова, заявив на него ничем не мотивированное «подозрение»⁶⁵³. Это требование Алексея Яковлевича было отклонено как генерал-прокурором, так и Сенатом.

«Дело фискалов» набирало обороты, а производство следствия чем дальше, тем больше переходило в руки Егора Ивановича. Осенью 1722 года основное внимание следственная канцелярия сосредоточила на разбирательстве преступных деяний нескольких фигурантов: С. Ф. Попцова, ярославского фискала А. И. Никитина и А. Я. Нестерова.

Особенно ценные показания, изобличавшие обер-фискала, в сентябре дал посадский человек — откупщик А. К. Брыскин. В частности, Авдей Брыскин поведал о взятке в 500 рублей, полученной Алексеем Нестеровым от Л. Г. Воронцова за содействие в назначении его воеводой в один из сибирских городов⁶⁵⁴.

Заодно Авдей Брыскин подтвердил и ряд эпизодов из повинной С. Ф. Попцова. К примеру, на допросе 11 сентября Авдей Кузьмич конкретизировал сведения Саввы Поп-

* Принявшее вскоре острые формы противостояние А. Я. Нестерова и Е. И. Пашкова было тем драматичнее, что еще за несколько лет до этого они работали почти что «рука об руку». Достаточно вспомнить, что в качестве ассессора канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Егор Иванович принимал деятельное участие в завязавшемся, благодаря неординарному упорству Алексея Нестерова, расследовании дела сибирского губернатора князя М. П. Гагарина.

цова о взятках, полученных А. Я. Нестеровым от фискалов Саввы Турчанинова и Григория Зиминского. По словам А. К. Брыскина, «Турчанинов ему, Нестерову... привез рыбы белуг и осетров воз... Да Зиминской пару жеребцов карих, ценою рублей в тридцать, дал»⁶⁵⁵.

5 октября П. И. Ягужинский направил письмо с докладом о ходе следствия к находившемуся в Астрахани Петру I. При этом генерал-прокурор пожаловался на давление, которое кто-то из очень влиятельных лиц оказывал на Е. И. Пашкова в защиту Алексея Нестерова («к тому же не без приятеля у обер-фискала»^{*}). В связи с этим Павел Иванович попросил императора направить «особливый указ» Егору Пашкову, который без этого «в такие важные дела вступать не смеет»⁶⁵⁶.

Самодержец откликнулся незамедлительно. Уже 15 октября в Москву ушло высочайшее послание с указанием Е. И. Пашкову замещать при необходимости генерал-прокурора в делах следственной канцелярии^{**}. Одновременно Петр I санкционировал применение к А. Я. Нестерову пыток⁶⁵⁷.

Со своей стороны Алексей Нестеров не только не признавал какие-либо обвинения, но и продолжал пытаться вывести из следствия Е. И. Пашкова. Так, 1 ноября Алексей Яковлевич сорвал очную ставку с С. Ф. Попцовым, заявив об отказе давать показания Егору Пашкову («перед ним, господином капитаном, ни о чем ответственность он не станет»)⁶⁵⁸. Однако вскоре ситуация переменялась.

8 ноября, обобщив добытые следственной канцелярией материалы, уличавшие обер-фискала, Е. И. Пашков вынес постановление о пытке Алексея Нестерова⁶⁵⁹. И тут подследственный дрогнул. 9 ноября, не дожидаясь привода в застенки, А. Я. Нестеров заявил Егору Ивановичу о готовности дать признательные показания⁶⁶⁰. Расследование «дела фискалов» вышло на следующий виток.

Еще не разобравшейся в полном объеме с показаниями С. Ф. Попцова следственной канцелярии генерал-про-

^{*} Личность «приятеля» А. Я. Нестерова, столь глухо упомянутого генерал-прокурором, установить к настоящему времени не удалось.

^{**} Примечательно, что государево послание имело двух адресатов. На лицевой стороне конверта, в который оно было запечатано, сохранилась запись: «Господину генералу-лейтенанту и генералу-прокурору Ягужинскому в Москве. А в небытность ево распечатать и чинить по сему прокурору Колегии воинской Егору Пашкову».

куратуры предстояло теперь проверять не менее содержательные откровения Алексея Нестерова. Подобно Савве Попцову, Алексей Яковлевич не ограничился признанием собственной вины, но и поведал много интересного о иных должностных лицах. А. Я. Нестеров рассказал о взятках и казнокрадстве бывшего московского вице-губернатора, а ныне главы Монастырского приказа В. С. Ершова, о подлоге завещания бывшим обер-фискалом, а ныне судьей Московского надворного суда М. В. Желябужским, о многообразных злоупотреблениях комиссара А. С. Сергеева и дьяка А. Г. Ратманова.

Тем не менее, заподозрив Алексея Нестерова в недостаточной искренности, Егор Пашков 25 ноября вновь распорядился подвергнуть его пытке⁶⁶¹*. Допрос в застенке не состоялся, однако, и на этот раз. Согласно помете в деле, «обор-фискалом не розыскивано за полученным имянным его императорского величества указом»⁶⁶². Иными словами, в ноябре 1722 года Петр I пытать Алексея Яковлевича воспретил.

Не вполне ясно, что за соображения побудили императора отменить собственную недавнюю санкцию о «розыске» А. Я. Нестерова. Вероятнее всего, отличавшийся повышенной подозрительностью Петр I рассудил, что глава фискальской службы мог владеть такой разоблачительной информацией, которую небезопасно было доверить даже генерал-прокуратуре. По этой причине монарх решил допросить Алексея Нестерова лично.

В итоге допрос Алексея Нестерова императором состоялся 31 января 1723 года. К этому допросу Петр I даже собственноручно написал вопросные пункты, в которых выразил, в частности, уверенность в весьма значительной информированности А. Я. Нестерова о криминальных деяниях государственных служащих: «Первое, по чину фискалскому, вторые, понеже прибежище всех воров был»⁶⁶³. Однако, несмотря на то что допрос проводился лично мо-

* Необходимо заметить, что постановление от 25 ноября 1722 года вряд ли свидетельствовало о каком-то жестокосердии Е. И. Пашкова или его негативной пристрастности к сановному подследственному. Как представляется, в данном случае Егор Пашков действовал сообразно духу процессуальной нормы, закрепленной в статье 58-й главы 21-й Уложения 1649 года (сохранявшего в полной мере юридическую силу в первой четверти XVIII века). Согласно этой норме, уличенный в особо тяжких преступлениях обвиняемый подлежал пытке в обязательном порядке, даже если он сразу давал признательные показания.

нархом и под пыткой, никаких новых откровений Алексея Яковлевича на нем не последовало⁶⁶⁴.

Что бы там ни было, независимо от высочайших колебаний в решении вопроса о телесной неприкосновенности А. Я. Нестерова конец ноября и весь декабрь 1722 года следственная канцелярия генерал-прокуратуры работала с прежней интенсивностью.

Так, в декабре наступил перелом в следствии по делу фискала Алексея Никитина. 30 ноября Е. И. Пашков вынес постановление о пытке А. И. Никитина, упорно отрицавшего всякие обвинения. Поднятый 3 декабря на дыбу, Алексей Никитин сознался в четырех эпизодах получения взяток на общую сумму 111 рублей (плюс бочонок вина)⁶⁶⁵.

Впрочем, эта сумма, вероятнее всего, не исчерпывала криминальных доходов Алексея Никитина. Как видно из материалов дела, ярославский фискал жил более чем безбедно. Согласно описи арестованного имущества А. И. Никитина от сентября 1722 года, в Ярославле он владел каменным домом, обставленным дорогой мебелью (среди которой был, например, «стол здвижной дубовый с ящики, зеркало осмилистовое»). А для передвижений фискал располагал обитой кожей коляской голландской работы — «в ней убито* сукном голубым с подзориными» — и не менее роскошным зимним возком⁶⁶⁶.

В конце ноября — декабре 1722 года следственная канцелярия генерал-прокуратуры впервые допросила упомянутых в повинной Алексея Нестерова судью М. В. Желябужского, бывшего сенатора В. А. Апухтина, секретаря И. А. Хрипунова⁶⁶⁷. К примеру, у Ивана Хрипунова Е. И. Пашков выяснял объем «подарков», поднесенных им А. Я. Нестерову, а также причины этих подношений. На допросе 30 ноября Иван Авксентьевич подтвердил, что в бытность его дьяком в Архангельске он «посыливал к нему, Нестерову, свечь вологоцких салных да рыжиков», но делалось это все исключительно «из любви, по приятелству, а не от дел»⁶⁶⁸.

Между тем по мере разбухания «дела фискалов», появления в нем новых эпизодов и фигурантов перед Петром I обозначилась перспектива дополнительно закрепить за прокуратурой полномочия органа предварительного следствия, совместив тем самым в ее компетенции функции надзора и уголовного преследования. Если бы законодатель решился в 1723 году придать генерал-прокуратуре

* То есть обито, обтянуто.

следственные полномочия, то уже тогда в России могла сложиться функциональная модель прокуратуры, существовавшая в 1928—2007 годах.

Однако в решающий момент Петр I не пожелал отказываться от изначально возникшей надзорной модели отечественной прокуратуры. Это выразилось в том, что в январе 1723 года император принял решение освободить генерал-прокуратуру от расследования «дела фискалов».

В конце января расследовавшиеся следственной канцелярией генерал-прокуратуры уголовные дела были переданы в только что основанный Вышний суд, занявший в реформированной судебной системе России место суда высшего звена. Сама же следственная канцелярия была преобразована в Розыскную контору — особое следственное подразделение суда (отдаленный прообраз следственной части Верховного суда РСФСР 1920-х годов).

От следственной канцелярии генерал-прокуратуры Розыскная контора унаследовала не только находившиеся в производстве дела, но и руководителя — Е. И. Пашкова. Тем самым Егора Ивановича возможно признать также одним из первых судебных следователей России*, предшественником судебных следователей 1860—1928 годов.

Интересное свидетельство о процессе перехода следственного подразделения генерал-прокуратуры в Вышний суд сохранилось в послужном списке канцеляриста А. Баженова от ноября 1737 года. Излагая обстоятельства прежней службы, Антон Баженов указал между иного, что в сентябре 1722 года он был направлен в «розыскную канцелярию господина генерала и ковалера графа Павла Ивановича Ягушинского да гвардии капитана... Пашкова, и был по 723-й год. А в том году взят на Генеральной двор** и был у розыскных дел, а потом та канцелярия сообщена с Вышим судом»⁶⁶⁹.

В качестве главы Розыскной конторы Вышнего суда Егору Пашкову довелось расследовать не только дела, которыми он занимался прежде. В 1723 году в производство Розыскной конторы поступил еще ряд уголовных дел — в

* Иными первыми судебными следователями явились уже упоминавшиеся бывшие ассессоры все той же канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Бахметев и Авраам Шамордин, которые были временно привлечены Вышним судом в качестве следователей в январе 1723 года.

** Изначальное местонахождение Вышнего суда в подмосковной государевой резиденции селе Преображенском.

частности, многоэпизодное дело по обвинению руководителей канцелярии Преображенского приказа дьяков Я. В. Былинского и В. Н. Нестерова в преступлениях против интересов службы и против правосудия.

Изменение ведомственной принадлежности следственной канцелярии никак не отразилось на ходе расследования «дела фискалов». Следственные действия по данному делу продолжились в полном объеме.

Например, 13 февраля 1723 года состоялся длительный допрос А. Я. Нестерова, а, скажем, 29 мая того же года в Розыскной конторе был допрошен один из «дарителей» Алексея Нестерова новгородский провинциал-фискал И. П. Погребов, подтвердивший сведения о поднесении им обер-фискалу серебряной посуды, но при этом подчеркнувший, что «во взятку ему, Нестерову, ни от каких дел ничего не даывал»^{670*}.

26 сентября 1723 года Вышний суд направил Розыскной конторе распоряжение о скорейшем завершении находящихся в ее производстве уголовных дел, «особливо ж по делам на бывшего обер-фискала Нестерова и на дьяков Преображенского приказа»⁶⁷¹. Е. И. Пашков не затянул с выполнением этого распоряжения.

Уже в октябре глава Розыскной конторы направил в Вышний суд подборку итоговых процессуальных документов по М. В. Желябужскому, А. И. Никитину и С. Ф. Попцову. Составление документов по Алексею Нестерову было отложено, вероятнее всего, до времени новых допросов бывшего обер-фискала Петром I. Каковые состоялись только в январе 1724 года.

Помимо традиционных «выписок» (и их сокращенных версий — «экстрактов»), содержавших выстроенные по пунктам эпизоды обвинения по соответствующему фигуранту, в Розыскной конторе были впервые подготовлены принципиально новые процессуальные акты. В этих документах, подписанных Е. И. Пашковым, оказались соединены: краткое изложение эпизодов обвинения, квалификация этих эпизодов по действовавшему законодательству, а также предложения о назначении меры наказания. Такой документ, являвшийся с точки зрения обобщения материалов следствия шагом вперед по сравнению с «выпиской»

* Мотивы указанного подношения фискал Иуда Петрович объяснил, впрочем, двояко: с одной стороны, «из любви», с другой — «чтоб он, Нестеров, был к нему впредь благодприятен».

и «экстрактом», явился отдаленным прообразом современного обвинительного заключения, оформляемого следователем при передаче дела в суд.

Подобные обвинительные заключения были в итоге составлены Егором Ивановичем по М. В. Желябужскому, А. Я. Нестерову, А. И. Никитину, С. Ф. Попцову⁶⁷². Согласно выпискам и обвинительным заключениям, Алексею Нестерову было вменено 39 (!) эпизодов преступной деятельности (главным образом получение взяток), Алексею Никитину — пять эпизодов (исключительно получения взяток), Михаилу Желябужскому — два эпизода (подлог заветания и лжесвидетельство по этому поводу).

Что касается исходного фигуранта «дела фискалов» Саввы Попцова, то ему Розыскная контора вменила в итоге 11 эпизодов: от злоупотребления должностными полномочиями («имел съезжий двор, держал колодников многое число и... на разных чинов людей полагал штрафы») и казнокрадства до получения взяток (общая сумма которых была весьма внушительной — 6420 рублей). А вот длительно проверявшийся следствием эпизод о якобы совершенном С. Ф. Попцовым убийстве посадского человека Афанасия Жилина был при подготовке обвинительного заключения снят за недоказанностью.

В отношении мер наказания в обвинительных заключениях Е. И. Пашков предлагал санкции в основном в соответствии с действующим законодательством. Лишь к А. Я. Нестерову Егор Пашков предложил применить санкцию, прямо не предусмотренную ни в одном из законодательных актов, по которым были квалифицированы предъявленные бывшему обер-фискалу обвинения, — колесование⁶⁷³. Нельзя исключить, впрочем, что в данном случае при подготовке обвинительного заключения глава Розыскной канцелярии принял во внимание некую устно выраженную «рекомендацию» Петра I, весьма болезненно воспринявшего разоблачение криминальных деяний А. Я. Нестерова*.

Вместе с тем Егор Иванович предпринял решительную попытку не допустить вынесения смертного приговора

* В первые три недели января 1724 года (когда составлялось обвинительное заключение по А. Я. Нестерову и вообще завершалось следственное производство по «делу фискалов») Петр I регулярно посещал Вышний суд. Согласно походному «Юрналу», император «изволил быть в Вышнем суде» 4, 15, 16, 18, 20 и 22 января. Так что времени пообщаться с Егором Ивановичем у государя было достаточно.

деятельно раскаявшемся С. Ф. Попцову. По всей очевидности, обещавший Савве Федоровичу сохранение жизни в обмен на сотрудничество со следствием глава Розыскной конторы предложил в обвинительном заключении назначить бывшему провинциал-фискалу наказание в виде двух лет каторжных работ с последующей пожизненной ссылкой.

Столь либеральное (с учетом характера предъявленных обвинений) предложение Егор Пашков обосновал тем, что иные подследственные в дальнейшем «взирая на милостивое исполнение [сохранение жизни С. Ф. Попцову]... могли к показанию вин признатца существом»⁶⁷⁴. В данном случае остается только признать, что Е. И. Пашков предвосхитил институт «сделки с правосудием», появившийся в отечественном уголовном судопроизводстве лишь с изданием Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141—ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁶⁷⁵.

Последними досудебными действиями по «делу фискалов» явились проведенные в январе 1724 года лично Петром I допросы основных фигурантов дела. Имевший странную убежденность, что перед вынесением приговора (или даже после него) обвиняемые могут дать какие-то особенно ценные показания, первый российский император допросил под пыткой: 16 и 18 января 1724 года — А. Я. Нестерова (причем к применявшимся прежде дыбе и кнуту было добавлено жжение огнем), 16 января — А. И. Никитина и 18 января — С. Ф. Попцова⁶⁷⁶.

Допросы эти не дали, впрочем, никаких новых результатов, подследственные лишь подтвердили прежние показания.

Далее материалы «дела фискалов» были направлены в Вышний суд. Сообразно господствовавшей тогда розыскной модели уголовного процесса суд проходил без участия сторон и без заслушивания обвиняемых и свидетелей. В итоге судебное следствие свелось исключительно к ознакомлению судей с подготовленными Е. И. Пашковым выводами и обвинительными заключениями по делу.

Приговоры обвиняемым были вынесены 22—23 января 1724 года. Суд не принял во внимание заступничество Егора Ивановича за обвиняемого Савву Попцова. Бывшего провинциал-фискала осудили на смертную казнь. Не удалось Е. И. Пашкову убедить в своей правоте и импера-

тора, утвердившего приговор Савве Федоровичу без изменений*.

А. Я. Нестеров был приговорен к колесованию. 24 января 1724 года состоялась описанная выше публичная «эксекция».

Петр I счел «дело фискалов» столь общественно значимым, что в этот же день распорядился подготовить особый информационный листок с изложением «преступлений бывшего обер-фискала Нестерова и протчих» и опубликовать его «для всенародного известия»⁶⁷⁷. Отпечатанное на листе большого формата «Объявление о бывшей экзекуции в Санкт-Питербурхе генваря в 24 день 1724 году» вышло в свет уже 4 марта⁶⁷⁸.

16 марта Правительствующий сенат указал разослать экземпляры «Объявления» по центральным и местным органам власти (для ознакомления прежде всего государственных служащих)⁶⁷⁹. Так что успешно расследованное Егором Пашковым «дело фискалов» пригодилось еще и для правовой пропаганды и профилактики должностных преступлений.

Последовавшая 28 января 1725 года кончина императора Петра Великого привела к свертыванию деятельности Вышнего суда и его Розыскной канторы. Уже 2 февраля под подписку о невыезде были освобождены 13 из 15 содержащихся на тот момент под стражей подследственных Розыскной канторы⁶⁸⁰. Формальное упразднение Вышнего суда произошло по указу императрицы Екатерины I от 14 марта 1726 года.

На состоявшейся 10 марта 1725 года в Санкт-Петербурге грандиозной церемонии погребения Петра Великого прокурору и гвардии капитану Егору Ивановичу Пашкову была отведена весьма почетная роль: он нес подле гроба имперскую регалию — один из четырех «государственных мечей с золотными эфесами и 3 драгими каменьи». Острием вниз⁶⁸¹.

После 1725 года недолго продлилась и прокурорская деятельность Е. И. Пашкова. Дело в том, что на протяжении 1726—1727 годов органы молодой российской прокуратуры подверглись постепенному упразднению. Причем в

* Из осужденных фигурантов «дела фискалов» Петр I помиловал единственно А. И. Никитина, которому смертная казнь была заменена на наказание кнутом, вырывание ноздрей и пожизненную ссылку на каторгу.

безуказном порядке. Черед прокуратуры Военной коллегии наступил весной 1727 года.

Именным указом от 13 марта прокурор Е. И. Пашков был определен на должность советника Военной коллегии⁶⁸². Преемника ему назначено не было. Назначение Егора Ивановича на равностатусную должность в Военной коллегии свидетельствовало о том благоволении, которое ему оказывал президент коллегии А. Д. Меншиков, ставший к тому времени фактически вторым лицом в государстве.

15 мая 1727 года только что взошедший на престол император Петр II произвел Е. И. Пашкова в «полугенеральский» чин бригадира⁶⁸³. Позиции Егора Пашкова в среде высшей коллежской бюрократии казались незыблемыми. Однако уже в следующем году в его карьере произошла резкая перемена к худшему.

Бывшего следователя и прокурора едва не погубили излишние откровения о придворной жизни в переписке с давней приятельницей княгиней А. П. Волконской. Будучи выслана из Санкт-Петербурга в апреле 1727 года по предписанию А. Д. Меншикова, княгиня не была, однако, возвращена в столицу после ссылки самого Александра Даниловича (последовавшей в сентябре). Проживая во вполне комфортных условиях в подмосковном имении, Аграфена Волконская продолжала отслеживать придворные «конъюнктуры» и чем дальше, тем больше раздражалась, что о ней позабыли.

Дело закончилось доносом двух слуг, обыском в имении и выемкой обширной корреспонденции княгини. Пустяковое, по существу, дело стало, однако, предметом детального разбирательства в мае 1728 года в Верховном тайном совете⁶⁸⁴. Поскольку в домашнем архиве А. П. Волконской была между иного обнаружена подборка писем Егора Пашкова, он оказался среди фигурантов дела.

28 мая 1728 года Егор Иванович был отстранен от должности. Трудно сказать, кто именно из влиятельных лиц вступился за бригадира, однако он наименее пострадал из числа собеседников и корреспондентов княгини Аграфены Петровны. Именным указом от 5 июня Е. И. Пашков был определен вице-губернатором Воронежской губернии⁶⁸⁵.

Несмотря на то что Егор Иванович направлялся в Воронеж единоличным главой администрации, назначение в провинцию явилось для него тяжелым ударом. Опальный бригадир попытался даже отсрочить выезд к новому месту

службы. Когда 14 июня к бывшему прокурору явился сенатский курьер с подорожной и ямскими подводами, Егор Иванович выгнал его со двора, отправил подводы обратно в Сенат и заявил, что поедет на собственных лошадях.

На следующий день Е. И. Пашков получил предписание покинуть Москву немедленно. В ответ Егор Иванович заявил, что если его отправляют в ссылку, то пусть везут в Воронеж в кандалах и под конвоем. Впрочем, 16 июня он все же выехал во вверенную ему губернию⁶⁸⁶.

В должности воронежского вице-губернатора Е. И. Пашкову пришлось отработать почти шесть лет⁶⁸⁷. Оставил он о себе не лучшую память в церковных кругах, благодаря невольному участию в низложении местного епископа Льва (в миру Лаврентия Юрлова). В феврале 1730 года, когда в Воронеж уже поступили первые экземпляры манифеста о восшествии на престол Анны Иоанновны, епископ некоторое время не оглашал манифест в кафедральном соборе, а заодно не возгласил имени Анны как правящей государыни.

По долгу службы внимательно отследив ситуацию, Егор Иванович двукратно напомнил епископу о необходимости обнародовать манифест, а затем сообщил о произошедшем «по команде» в Москву⁶⁸⁸. Промедление с возглашением имени новой императрицы обернулось для епископа Льва лишением сана, расстрижением и десятилетним (!) заточением в Крестном монастыре на пустынном острове Кий в Белом море.

Губернией Егор Иванович управлял не особенно удачно, неоднократно подвергался дисциплинарным взысканиям от Правительствующего сената. По доношениям вице-адмирала Матвея Змаевича попал под следствие по обвинению в вырубке заповедных корабельных лесов и в провале трудовой мобилизации работных людей на верфи в Таврове*.

Впрочем, будучи 3 декабря 1734 года смещен с должности (его сменил А. А. Мякинин^{689**}), Егор Пашков пробыл в Воронеже еще более года⁶⁹⁰. По странной причуде судьбы, в этом городе он пережил и своего гонителя вице-адмирала

* Ныне микрорайон «Таврово» Левобережного района города Воронежа.

** Это был освобожденный из ссылки в январе 1733 года тот самый бывший полковник и генерал-фискал, который имел неосторожность разоблачать утайку душ А. Д. Меншиковым.

Матвея Христофоровича, скончавшегося в Таврове 23 августа 1735 года⁶⁹¹, и нового губернатора Алексея Мякина, ушедшего из жизни сразу вслед за вице-адмиралом — 25 августа того же года^{692*}.

16 октября 1735 года бригадир Е. И. Пашков получил новое назначение — губернатором в Астрахань. Однако на берега Каспия он так и не прибыл. Задержавшись по пути в своем имении, Егор Иванович Пашков скоропостижно скончался 6 апреля 1736 года.

Погребли Е. И. Пашкова в Успенской церкви Веневского монастыря Тульского уезда. В ноябре 1796 года племянник бывшего прокурора коллежский асессор А. И. Пашков установил на его могиле специально отлитую массивную чугунную плиту с пространной надписью, а также обнес могилу железной решеткой⁶⁹³. Захоронение Е. И. Пашкова сохранилось до настоящего времени.